

Р.Нумминен

П.А.СТОЛЫПИН В ИСТОРИИ ФИНЛЯНДИИ

Numminen, R. (Finland). "P.A.Stolypin in History of Finland".

For a long time the Finnish historiography believed that P.A.Stolypin's policy had a negative impact on the status of Finland. Basing on new facts, the author attempts to review the traditional appreciation of the famous politician's activities.

В исследованиях, статьях и воспоминаниях постоянно подчеркивается, что Петр Аркадьевич Столыпин, начав свою карьеру в провинции, достиг поста премьер-министра Российской империи и являлся виднейшим политическим деятелем последних лет ее существования.

Хотя вся финская пресса достаточно внимательно следила за происходившими в царской империи событиями (порой пристальнее, чем в Европе), возвышение П.А.Столыпина для финнов был полной неожиданностью. Причиной же проявления этого обостренного интереса было то, что российская политика после манифеста 12 июня 1890 г. вдохновлялась поддержкой панславистов, что, в свою очередь, привело к напряженности во взаимоотношениях России и Финляндии.

Финская литература того времени довольно скупо повествует о российских деятелях. В период с 1906 по 1911 г.,

когда Столыпин находился на посту председателя Совета министров и являлся инициатором реформ, о нем было написано лишь в книге «Третья дума» Адольфа Торнгрена, изданной в Стокгольме в 1912 г. Адольф Торнгрен, швед финского происхождения, будучи доктором медицинского факультета, занимал пост в Государственном секретариате министерства Финляндии, поэтому наблюдал за работой Думы с присущим ему профессионализмом. Он проявлял глубокий интерес не только к российской политике в Финляндии, но следил за общим направлением российской политики, что выделяло его из чиновничьей массы Финляндии того времени. Торнгрен в совершенстве владел русским языком, хотя знание нескольких языков не было так распространено в то время, как принято думать.

В 1920 г. были опубликованы мемуары Эдварда Хйелта, профессора химии, который в 1908–1909 гг. являлся ректором Хельсинкского университета и заместителем председателя (премьер-министра) Экономической палаты Сената.

Аугуст Лангхофф, который в 1894 г. являлся председателем Российской, Немецкой и Австро-венгерской пограничной комиссии, а в 1906–1913 гг. занимал пост министра статс-секретаря по делам Финляндии, написал свои воспоминания о закулисной борьбе в Петербурге. Изначально к свидетельствам Лангхоффа относились с предубеждением, но впоследствии, после их публикации в 1922 г., они получили общественное признание.

В финской истории две попытки русификации (с 1899 по 1905 г. и с 1908 по 1918 г.) проходят под названием «периоды угнетения». П.А.Столыпин считался инициатором второй попытки. Сложность ситуации показывает исторический анекдот времен первого периода: когда Бобриков, заняв пост генерал-губернатора Финляндии, сообщил С.Ю.Витте о том, что едет в Финляндию подавлять восстание, Витте возразил, что в действительности такового там нет: «ты, по всей видимости, едешь поднимать его».

В 1900-е годы в Финляндии произошло два громких политических убийства. Жертвой второго как раз и стал генерал-губернатор Бобриков. Интересно отметить, что во время второго периода угнетения (1908–1918 гг.) причиной всех бед поначалу

считался не столько сам Столыпин, сколько все те же бобриковские чиновники, которые его окружали.

Полагаю, что образ Столыпина, который в настоящее время создается в России, не совсем соответствует действительности, и предлагаю проследить изменение отношения к нему в финских политических кругах.

Отношение к Столыпину в Финляндии того времени наиболее удачно сформулировал генерал Маннергейм, находясь в Киеве 15 марта 1917 г.: «Могу утверждать, что революция докатилась и сюда. Когда проезжал мимо памятника Столыпину, видел того строгого господина, который позволил повязать на себя красный галстук». Следует обратить внимание на такой нюанс: финны не использовали по отношению к Столыпину уважительного слова «господин». Это делал только Маннергейм, который более чем кто-либо в Финляндии разбирался в российской политической ситуации.

Решение финских вопросов

Как свидетельствуют факты, на заседание II Думы Столыпин прибыл с пакетом реформаторских предложений по преобразованию всей экономической и политической системы России. В контексте планировавшихся реформ финская автономия выступала как инородное образование по той причине, что министр – статс-секретарь Великого княжества Финляндского – подчинялся непосредственно царю, минуя Совет министров России, и у Столыпина не было возможности осуществить предложенные им меры.

В сущности, решение финляндских вопросов и исполнение многочисленных обещаний, которые давали царские наместники в разное время, затягивалось до бесконечности. И, по мнению Столыпина, финны неправильно понимали свое положение, единогласно стремясь сохранить автономию, заручившись к тому же поддержкой думских либералов и представителей национальных меньшинств. На самом деле камнем преткновения было благожелательное отношение к русским революционерам в Финляндии. Лангхофф свидетельствует: «Столыпин неоднократно требует от финнов принятия мер, царь выражает все боль-

шее недовольство. Мой приход сегодня (27.11.1907) к Столыпину и длительная беседа с ним лишь усилили мое беспокойство. Сейчас он почти всесилен и чрезвычайно недоволен Финляндией. Причиной же, по его словам, является то, что вся Выборгская губерния кишит русскими революционерами, в то время как финская полиция бездействует» (Langhoff 1922: 269–270).

Эдвард Хйелт также рассказывает, что, когда он был на приеме у Столыпина (24.2.1908), тот говорил о террористах, угрожал объявлением в Финляндии военного положения и «нарисовав пальцем крест на столе, произнес: затем случится это» (Hjelt 1920: 211–212).

Интересно, однако, отметить, что Ленин, бежавший через Финляндию зимой 1907/1908 г., как раз обвиняет финскую буржуазию в травле революционеров и выдаче их российским властям.

Прочитав воспоминания полковника Герасимова и его сподвижников, финский исследователь Иммонен в 1991 г. в историко-публицистическом журнале «Ежеквартальник финской истории» повествует об использовании двойных агентов, в том числе и Евно Азефа, что привело к тому, что российские разведывательные службы были осведомлены значительно лучше о ситуации с терроризмом, чем финские власти. Это как раз и объясняет, почему последние не могли активно бороться с революционерами, – они не располагали достаточной информацией. Исследование Иммонена позволяет внести некоторые изменения в финскую оценку личности и роли Столыпина. Конечно, владение агентурными сведениями в полном объеме определяли политическую тактику Столыпина в отношении Финляндии. Но тем не менее этого недостаточно, чтобы окончательно реабилитировать его в глазах финской общественности. Напомню, в полуторачасовом обращении к Думе 18 мая 1908 г. эта пресловутая благосклонность к терроризму в Финляндии была одной из важнейших тем Столыпина, и финны оценили его выступление, с одной стороны, как не сулящее ничего хорошего, а с другой – как откровенную пропаганду.

Распространение действия российского законодательства на Финляндию

3 июня 1910 г. в своем докладе в Думе Столыпин призвал к спокойствию. Это выступление, как и более ранние его высказывания о том, что в России сила не идет впереди права, вызвало саркастическую усмешку у представителей партии кадетов, но не у финнов, которые по-прежнему не доверяли Столыпину. Со стороны Финляндии была сделана попытка напомнить Николаю II о его заверениях 16-летней давности сохранить финляндскую законодательную систему в неприкосновенности, но безрезультатно. Точку зрения финнов разделяли кадеты, левые, националистические организации, а также вдовствующая императрица, известный профессор Бернард Пейрес (Bernard Pares), В.И.Ленин; таково же было и европейское мнение, но, однако, законы Российской империи, включая систему образования, стали распространяться и на Финляндию.

Паасикиви, народный депутат того времени и сенатор, виднейший политик 1900-х годов, а впоследствии президент Финляндии, обращал внимание на тот факт, что «финляндский Сейм от деятельности самоустранился, несмотря на солидарность с ним словоохотливых социалистов», и продолжал: «В парламенте не допускали и мысли, что наше обращение приведет к результату. Такая политика русского правительства в отношении Финляндии – не просто ошибка; она объяснялась ущербом русскому государству, что вскользь упомянуто в официальном письме Столыпина, адресованном финляндскому парламенту: “Усиление сепаратизма Финляндии угрожает не только авторитету, праву и привилегиям России, но также и ее целостности”». И далее Паасикиви дает оценку этому, говоря о «русской государственной самонадеянности и русском национальном самосознании», и делает вывод о том, что этот иррациональный пафос много принес плохого самой России (Paasikivi 1986: 170–171).

На парламентских дебатах депутат Santeri Alkio окончил свое выступление словами: «Осуждающая богиня правосудия

Немезида все еще наблюдает». Его прогноз сбылся; судьба жестоко обошлась с Николаем II и его окружением за то, что они сделали, в том числе и с Финляндией. Парламент справедливо счел виновником всех изменений Столыпина и предсказал, что ему угрожала судьба Валтасара. Но надо сказать, что по сравнению с финской ленинской оценкой политики Столыпина в отношении Финляндии была еще более резкой (Lenin 1957: 68–71, 164–167).

«Самое главное, что есть упоминание о Финляндии»

По свидетельству вдовы Столыпина, эти слова являются отрывком незаконченного высказывания Столыпина, датированного 4-м сентября 1911 г. Их трудно объяснить, и это вызывает удивление как у современников, так и историков Финляндии: какое все-таки место в столыпинское время занимала маленькая Финляндия в государственной политике?

На вопрос о человеческом счастье греческий философ отвечает: «Это можно узнать лишь после смерти человека». Надо сказать, что хотя финская пресса и публиковала незначительные заметки о Столыпине, его работы распространения в печати не получили. Можно даже сказать, что образ Столыпина пытались стереть из памяти нации. Наметилась тенденция представлять его заслуги меньшими, чем они были на самом деле. Тем не менее случалось, что пресса отмечала и такие положительные стороны деятельности Столыпина, как «возврат к строгой дисциплине и порядку; борьба с коррупцией жесткими мерами» и т.д. (в отдельных случаях Витте был другого мнения). Левая пресса, со своей стороны, напоминала, что в России идет необъявленная война, которую правительство ведет против народа, и предлагала прекратить осуществлять столыпинские реформы. Радикально настроенные газеты молчали. По мнению газеты «Helsingin Sanomat» (19.09.1911), «его смерть – это редчайшая ирония судьбы: он был убит агентом сыскной полиции (охранки), которую он же укреплял для сохранения Российского государства».

Отличительная особенность газетных статей в сопоставлении с исторической литературой заключается в том, что газеты

отслеживали текущие события в России и уделяли внимание проводившейся Столыпиным политике: усмирение, реформы, использование 87-й статьи, борьба с многими противниками. Газетные сообщения тем и хороши, что дают широкий спектр мнений. Мемуарная же литература содержит отдельные личные взгляды на политику Столыпина, да и в книгах по истории его реформаторская роль затрагивается лишь отчасти. Следствием этого является то, что изучаемая в Финляндии история России несколько отличается от предлагаемой в России, за исключением того периода, когда Финляндия входила в состав Российской империи: в ней нет места для Столыпина-реформатора.

Возьму для примера воспоминания двух деятелей – Адольфа Торнгрена и Паасикиви. Торнгрэн упрекал Столыпина в том, что тот не понимал необходимости соблюдения законов. Постоянная ссылка Столыпина на 87-ю статью указывала на его пренебрежение к Основным законам. Но затем Торнгрэн все же свидетельствует: «Можно расценивать Столыпина как угодно, но несомненно то, что в историю он войдет как деятель аграрной реформы».

Паасикиви, к счастью, до своей смерти успел написать первую часть своих воспоминаний. Приводя оценку известнейшего английского дипломата Артура Николсона, который видел в Столыпине важнейшего политика Европы, Паасикиви пишет о своей позиции: «Меня обвиняют в предвзятости, но мне трудно с этим согласиться». И далее Паасикиви свидетельствует, что Столыпин «“ударил” по Финляндии в угоду националистическим кругам». Паасикиви полагал, что от Николая II, Победоносцева, Бобрикова, Куропаткина и других «нельзя было ожидать широты политического мышления и государственно-го подхода к действительности. <...> Столыпину не хватало политического глазомера, важность которого подчеркнул Бисмарк. <...> Также он был предрасположен к ненависти, влиянию которой государственный деятель никогда не должен поддаваться».

И еще одна оценка Паасикиви сложившейся ситуации в большой державе и маленьком государстве: «Сэр Артур Николсон, представитель супердержавы, не обратил внимания на столыпинскую политику в Финляндии. Это не входило в его обязан-

ности и имело для него малозначительную роль. Основной заслугой сэра Николсона был подписанный в 1907 году между Россией и Англией договор», согласно которому Персия была разделена без какого-либо участия персидского руководства. В договоре содержалась лицемерная поправка о неприкосновенности Персии. Когда персидский меджлис решил опротестовать подписанный договор, казачий отряд обстреливал здание заседаний до тех пор, пока из находившихся там депутатов одни были убиты, другие вынуждены были скрыться. «Такова была политика крупных держав, и особенно России, и в ней господствовали принципы, влияния которых мы не могли избежать» (Paasikivi 1986: 172–173).

Современное представление о Столыпине в Финляндии

Ранее описанная точка зрения современников Столыпина имеет место и сейчас в независимой Финляндии. В выпущенной в 1937 г. 10-томной «Истории Финляндии» говорится: «После эпохи свободомыслия во главе управленческого аппарата встал националист-фанатик П.А.Столыпин». Один из авторов, профессор финской истории Эйнар В.Юва, родился в 1892 г., столыпинское время пришлось как раз на годы его юности.

Исследовательская группа нового поколения под руководством профессора и ректора университета г. Йюенсуу Хейкки Киркинена в 1986 г. опубликовала первый написанный финнами справочник, касающийся русской истории и истории СССР: «Премьер-министром стал властный и жесткий Петр Столыпин. Словоохотливая Дума была разогнана, и оппозиция была зажата твердой рукой... Столыпин понимал все же, что одного наведения дисциплины недостаточно. Осуществление земельных реформ замедлилось. По мнению национальных меньшинств, проводимая Столыпиным политика была угнетающей и русификационной... По оценке финнов, Столыпин (и другие) грубо пренебрегали основными законами Финляндии».

И все же в настоящее время финское восприятие истории гораздо сдержаннее, чем ранее. В Финляндии до сих пор гово-

рят об уроках истории. Обнаружено, что в некоторые периоды написание истории шло впереди развития нации. Пертти Лунтинен, один из авторов вышеупомянутой книги, отметил, что традиционно национальный в Финляндии подход к русской истории уступает место стремлению быть объективными. К сожалению, это не значит, что все так и обстоит на самом деле. Пока это лишь попытка по-иному понять историю своей страны. Пертти Лунтинен пишет также о необходимости исправить представление, преобладающее у финнов, о Столыпине и в другой своей книге – биографии генерал-губернатора Ф.А. Сейна.

Ныне оценка Столыпина в Финляндии значительно смягчилась. Мы обращаем внимание даже на малоизвестные факты его деятельности. Считаю, что сегодня мы более объективны. Все же пример, приведенный Паасикиви, касающийся отношений между великой державой и небольшим государством, с финской точки зрения, актуален и сегодня.

И в конце, пожалуй, самый главный вопрос. Имел ли какое-либо значение Столыпин в эпоху правления Николая II? Признанный исследователь Tibor Szamuely, описывая время Николая II, Победоносцева, Витте, Столыпина, отмечает, что политика, как и высшие чиновники той эпохи, безвозвратно исчезли в пучине мировых событий и являются лишь предметом антикварного любопытства. Слова эти Szamuely написал незадолго до своей смерти в 1972 г. Однако в моей статье я попытался доказать, что финны придерживаются противоположной точки зрения.

Литература

- Harcave 1990 – *Memoirs of Count Witte / Transl., ed. Sidney Harcave.* New York, 1990.
- Hjelt 1920 – Hjelt Edvard. *Vaiherikkailta vuosilta. Muistelmia I.* Helsinki, 1920.
- Immonen 1991 – Immonen. *Historiallinen Aikakauskirja.* 1/1991.
- Kansallinen elämäkerrasto. Porvoo, 1927–1934. I-V.
- Kirkinen 1986 – Kirkinen Heikki. *Venäjä ja Neuvostoliiton historia.* Keuruu, 1986.

- Langhoff 1922 – Langhoff August. Seitsemän vuotta valtaistuimen edessä: Muistelmia ja muistiinparioja vuosilta 1906–1913. Porvoo, 1922.
- Lenin 1957 – Lenin V.I. Kootut teokset, suomenkielinen laitos Petroskoi. 1957. Osa 16.
- Mannerheim 1993 – Mannerheim Gustav. Muistelmat I-II. Keuruu, 1993.
- Paasikivi 1986 – Paasikivi J.K. Muistelmia sortovuosilta II. Juva, 1986.
- Szamuely 1974 – Szamuely Tibor. The Russian Tradition. London, 1974.
- Törngren 1912 – Törngren Adolf. Den tredje duman. Stockholm, 1912.